

## МУДРОВ

(1776—1831)

В Вологде 23 марта 1776 года родился Матвей Яковлевич Мудров — один из основателей русской терапевтической школы, первый директор медицинского факультета Московского университета. Впервые в России он ввел опрос больного и составление истории болезней, разработал схему клинического исследования больного и т.д.

Отец его Яков Мудров был священником девичьего монастыря. Пошел по стопам отца старший сын Иван, а трое других — Алексей, Кирилл и Матвей — ждали своей очереди. Бойчее других оказался Матвей: красивый, статный парень с черными бровями, кудрявыми волосами, он невольно привлекал к себе внимание. Заглядывались на молодого семинариста вологодские девицы.



Сосед-переплетчик научил Матвея премудростям своего ремесла. Пригодилась эта наука молодому семинаристу, который стал деньги зарабатывать переплетом тетрадей своих товарищей. А потом и самому переплетчику стал помогать в деле продления жизни книгам.

Отец рано приучил Матвея к грамоте и на всю жизнь привил любовь к книге. Научил и латыни. Не было в Вологде лучшего чтеца во время богослужений. И быть бы Матвею хорошим священником, но встретился, к счастью для русской медицины, на его пути человек, перевернувший всю его жизнь. В поисках заработка молодой семинарист обратился в зажиточные семьи, где были дети, не нужен ли им учитель русского или латинского языка. У штабс-лекаря Осипа Ивановича Кирдана подрастали два сына — Илья и Аполлон. Мечтал штабс-лекарь отправить их учиться в Москву, но перед тем надо было дать им азы науки. Стал Матвей учительствовать.

Как-то отец сказал Матвею: «Брось ты эту науку семинарскую, ищи свою дорогу в мирских делах. Вот твой отец! — Три языка знает, врачевать может, все псалмы и молитвы знает, а от бедности никуда не ушел». Задумался Матвей над словами отца. Да и решил стать медиком. Книги Гиппократ и Цельсия были первыми, по которым Мудров выучил латинский язык. Не просто как науку о врачевании воспринял медицину Матвей. Он ее видел, как древние, как добавление к религии, которая призывает думать о ближнем, о его счастье. Узнав о решении Матвея ехать в Москву учиться медицине, Кирдан предложил взять Матвею своих детей, а он напишет письмо старому товарищу, нынче профессору Московского университета Керестури, чтоб помог поступить Матвею в университет.

В 1794 году 22 лет от роду подался Матвей в Москву в университет. Кирдан, как и обещал, написал письмо своему старому другу Францу Францевичу Керестури, венгру по происхождению, с просьбой помочь Мудрову с поступлением в университет. Сразу же по приезде в Москву, что называется не раздеваясь, повез старый профессор молодежь на Моховую, в университет.

Официально открытие Московского университета с тремя факультетами, в числе которых был и медицинский, состоялось в 1755 году, но деления на факультеты не было. Произошло оно только в 1764 году. Поэтому именно эту дату также считают знаменательной — она вошла в историю как дата организации первого Московского медицинского института. Директор Московского университета Павел Иванович Фонвизин доброжелательно принял молодых людей. Он долго говорил с Матвеем о древних языках, которые Матвей знал хорошо. Директор остался доволен умом и эрудицией парня из глубинки. По существующей процедуре каждый, прежде чем поступить в университет, должен прой-

ти испытания в университетской гимназии. Определили Матвея для обучения наукам сразу в старший класс, в виде исключения. Мало того, он произвел такое впечатление, что приняли его с оплатой из университетского фонда и бесплатным проживанием в университете.

В университете училось всего 100 студентов. Инспектор Петр Иванович Страхов показал на втором этаже комнаты, в которых жили студенты, на третьем этаже зал для торжеств с хорами, здесь же помещается кабинет естественной истории, а напротив залы для занятий математикой и физикой. Четвертый этаж занимала гимназия. В левом крыле находились аудитории философского, юридического и медицинского факультетов, где была и гимназия для дворян. Год пролетел быстро. И вот уже Матвею вручают шпагу окончившего гимназиста. Вручение производил куратор гимназии Михаил Матвеевич Херасков — старейшина русских литераторов, автор «Россияды». Не догадывался, вручая шпагу, Херасков, что перед ним будущий великий русский врач и преподаватель медицины, который прославит великую Русь.

Наконец-то сбылось, и Матвей переходит на третий этаж левого крыла университета, где размещался медицинский факультет. Клиник в университете еще не было, и вся медицина преподавалась теоретически. Кафедр было мало, каждый профессор читал несколько предметов. Схоластика отталкивала студентов от медицинского факультета. Попечитель университета М.Н. Муравьев, пытавшийся изменить систему обучения, описывая университет, признавал: «Медицинский факультет оставался без действия по малой склонности студентов к сему учению».

Матвей любил лекции С.Г. Забелина, который читал правила медицины по книге Людвига, химию — по Фогелю, рецептуру — по медицинскому учебнику Миза. Семён Герасимович Забелин был одним из первых воспитанников Московского медицинского факультета и одним из первых, кто по окончании его был командирован учиться за границу и, наконец, первым, кто читал лекции на русском языке. Курс врачебных наук читали Фома Иванович Борецк-Моисеев и европейски образованный врач Федор Герасимович Политковский, преподававшие терапию, семиотику, гигиену и диетику. С этих врачей началась истинно русская медицина.

С большим интересом слушал Матвей лекции М.И. Скидана (ум. в 1802 г.), читавшего патологию, общую терапию, физиологическую семиотику, диетику, историю и энциклопедию медицины, и с величайшим удовольствием посещал лекции Керестури, первого своего знакомого в Москве. Керестури прошел большой путь практического врача, работал в Лефортовском госпитале. Показывая и проводя вивисекции, он не просто ограничивался перечитыванием того или иного анатомического строения, но и рассказывал, что происходит при тех или иных болезнях.

В конце первого курса за глубокое познание теоретических наук Матвей получил свою первую золотую медаль. В 1796 году он был допущен к курсу врачебных наук. Однако его поджидало разочарование. Курсы врачебных наук, как и все преподавание медицины, велись в отрыве от практики. Студенты не видели больных и даже на фантомах работали редко. Признавая прекрасные лекторские способности и знания профессора Виля Михайловича Рихтера, читавшего хирургию и повивальное искусство, студенты справедливо роптали, что профессора не знают их с повседневными буднями врача, диагностикой и лечением. Мудров впоследствии говорил: «Мы учились танцевать, не видя, как танцуют».

В жизни Мудрова было много случайностей, которые круто изменили его судьбу. Таким событием было знакомство с известным в Москве семейством Тургеневых. И. П. Тургенев заменил Фонвизина на посту директора университета и часто посещал университетскую церковь, где пел в хоре религиозный Мудров. Пение понравилось, и Тургеневы пригласили Матвея к себе в дом. В этот вечер Матвей познакомился и с В. А. Жуковским, и с масоном сенатором И. В. Лопухиным, и с А. Ф. Мерзляковым, дядей великого Пушкина — Василием Львовичем Пушкиным. Послушав разговоры, юноша понял, что мало быть знающим врачом, надо быть еще широко образованным человеком. И засел за книги.

И вновь судьба сдала Матвею счастливую карту. В силу своей занятости попросил однажды Ф. Г. Политковский способного студента Мудрова вскрыть оспенные нарывы на лице Софьи, дочери университетского профессора Харитона Андреевича Чеботарёва. Впоследствии эта одиннадцатилетняя девочка стала женой Мудрова и родила ему троих детей, из которых двое мальчиков, недолго пожив, умерли. Женитьба сына бедного вологодского священника на дочери одного из самых известных профессоров Московского университета откроет путь Мудрову в московское общество, даст возможность продвинуться по научной стезе, значительно облегчит вхождение в высокопоставленные круги общества, даст богатую клиентуру и обеспечит вход к масонству.

В 1800 году Матвей окончил Московский университет, и ему присвоили звание кандидата медицины, наградив второй золотой медалью за успешную учебу. А тут, кстати, решил император Павел благосклонность к наукам показать и повелел отправить наиболее одаренных выпускников университета за границу для усовершенствования в науках. Мудров поедет в медицинские школы Берлина, Парижа и Вены. Перед поездкой Софья, с которой Мудров обручился, помогала совершенствоваться ему в языках.

В марте 1801 года Мудров отправился за границу. Планировалось на два года, а растянулась командировка на семь лет. За границу можно

было выехать из Санкт-Петербурга, где работал чиновником одного из министерств его брат — Алексей Яковлевич Мудров. Приехав в город, Матвей застал своего брата на смертном одре, тяжелобольным. Брат Алексей скончался, оставив на руках Матвея малолетнюю дочь без каких-либо средств к существованию. Матвей вспомнил о рекомендательном письме будущего тестя Х.А. Чеботарёва к Андрею Федоровичу Лобзину, конференц-секретарю Академии художеств, известному масону, приобщившему к этому тайному ордену Мудрова. Масоны будут покровительствовать Мудрову на протяжении всей его жизни.

Семейство Лобзиных приютило Матвея и малолетнюю Софью Мудрову у себя. Пока суд да дело, Матвей устроился работать в Морской госпиталь. Там он с «цинготными» больными моряками познал первые азы практической медицины. Вначале из любопытства, а потом и для пополнения своих знаний он стал посещать лекции Медико-хирургической академии, сравнивал московских и петербургских профессоров, их знания и стиль преподавания. В академии работали тогда известные профессора П.А. Загорский (1764—1846), И.Ф. Буш и др.

Но вот вновь незадача. Темная мартовская ночь 1802 года оказалась не только трагичной для императора Павла, задушенного в своем замке, но и перечеркнула в связи с этим планы Мудрова. Было объявлено, что в связи со смертью императора Павла Петровича отъезд стипендиатов за границу на неопределенное время откладывается. Что было делать, не возвращаться же в Москву! Полтора года провел Мудров в Санкт-Петербурге, бегая по госпиталям и слушая лекции хирургов Загорского и Буша, которые помогли ему в дальнейшем, находясь за границей, понять достижения лучших клиник Берлина, Вены, Парижа в области медицины. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Именно здесь, в Петербурге, сформировался Матвей Мудров как русский врач. Здесь закладывались его знания практической медицины.

В Берлин он приехал вовремя: как раз велась запись в клинике знаменитого Христиана Гуфеланда, работы которого с характерной практической направленностью Мудров изучал в Московском университете. Потрудившись в Берлине, он отправился в Лонсхут, а оттуда в другую «Мекку» медиков — Бомберг, где сияла «звезда» профессора Решлауба. Мудров быстро покинул один и второй университеты, твердо поняв, что только в опыте, в практике может быть истинная суть медицины, что теории, которые существуют в настоящее время, далеки еще от истины.

Поехал Мудров летом 1803 года знакомиться с Лейпцигским, а потом и с Дрезденским университетами. Осенью 1803 года он появляется в Геттингене в квартире своего друга Александра Тургенева. Здесь, в Геттингене, была одна из лучших в Европе клиник повивального искусства, которой руководил Озиандр. Заплатив 30 талеров, Мудров все дни

проводил в клинике, изучая акушерство. В Вюрцбурге Мудров совершенствовался в анатомии и хирургии, он оперировал вместе с Зибельтом, профессором этой клиники. В Вене он задержался в глазной клинике Беера.

Занятия в Париже Мудрову оказались не по карману, пришлось подрабатывать в семье князя Голицына, обучая его детей русскому языку. Зарплата хватало, чтобы слушать лекции ведущих профессоров Пинеля, Порталья, Бойе и др. Весной 1804 года Мудров посылает в Московский университет написанную им в Германии диссертацию «Самопроизвольное отхождение плаценты». В этом же году его будущий тесть Х.А. Чеботарёв избирается первым ректором Московского университета. В Париже до Мудрова дошла весть об утверждении советом университета его докторской диссертации. Совет медицинского факультета присвоил ему звание экстраординарного профессора за его работу и труды, опубликованные за рубежом и присланные в Россию.

По просьбе попечителя университета Михаила Никитовича Муравьёва Мудров пишет и направляет в Москву программу реорганизации системы обучения. На основании опыта работы лучших университетов Германии, Австрии, Франции он предлагает конкретные меры улучшения характера преподавания, чтобы приблизить обучение студентов к задачам практической медицины. Предоставляя «чертеж практических врачебных наук, снятый с главных училищ Германии и Франции», он высказал при этом свой взгляд на их преподавание. «Заблаговременное соединение теории с практикой составляет особый круг в медицине. Как науки, они имеют свои идеальные начала, почерпнутые из существа вещей. Как науки практические, они преосуществляются в искусство. Кто соединил науки с искусством, тот художник». Предложения понравились М.Н. Муравьёву, и в своих новых формах преподавания в Московском университете он из них многое заимствовал.

Голицыны, устав от Парижа, собрались в Италию и зовут Мудрова с собой. Но он рвется в Россию и отказывается от лестного предложения. В начале 1807 года вместе с побежденной русской армией при Аустерлице Мудров возвращается на родину. Проезжая через Вильно, он получил просьбу правительства поработать в Главном госпитале действующей армии. Этот госпиталь, как и другие госпитали в Вильно, был переполнен больными солдатами. Пользование недоброкачественными продуктами во время похода привело к вскрытию острых кишечных заболеваний. В Вильно не хватало врачей. Эпидемия «заразительных кровавых поносов», как в то время называли дизентерию, охватила значительную часть армии.

В 1807 году Мудров издает сочинение о военно-полевой хирургии на французском языке «Принципы военной патологии». Этот труд был

первым руководством по военно-полевой хирургии, написанный русским врачом. Он сыграл важную роль в подготовке военных врачей и организации лечения раненых в ходе Отечественной войны 1812 года. Эпидемия кончилась. Мудров выполнил поставленные перед ним задачи и возвратился в Москву. Работа Мудрова, его печатные труды были высоко оценены не только медицинским обществом, но и правительством. Он был награжден чином надворного советника, и одновременно из кабинета самого императора ему было выдано 2 тыс. рублей, что составляло приличную сумму. Руководство университета пожаловало Мудрову квартиру в университетском доме на Никитской улице.

М.Н. Муравьев пригласил из Германии 11 профессоров. Германская методичность, германская логика, германская точность и научная добросовестность пользовались всемирным уважением. Новый ректор университета Ф.Г. Баузе из-за засилья немцев никак не находит места Мудрову. Военный министр граф А.А. Аракчеев вместе с Генеральным инспектором военной медицины небезызвестным лейб-медиком царя Я. Виллье представили предложение о подготовке врачей, и государь одобрил его. Керестури предложил Баузе организовать специальный курс по данному вопросу и дать его вести Мудрову, тем более что по поручению Петербурга он специально на Западе этот вопрос изучал. Так как все кафедры были заняты, Мудрова назначили профессором академического курса по преподаванию гигиены и военных болезней. 17 августа 1808 года Мудров впервые пришел в стены Московского университета как профессор, руководитель кафедры, преподаватель. И до 1831 года, до последних дней, его жизнь будет связана с университетом, который стал ему родным домом.

Матвей Яковлевич после Аустерлицкой битвы первым в России читает курс военной гигиены. Он автор первого руководства по военной гигиене, или науки сохранения здоровья военнослужащих, которое было опубликовано три раза — в 1809, 1813 и в 1826 годах. Он также один из основоположников русской военно-полевой хирургии и терапии. Знаменательно, что его учеником в университете был будущий великий хирург Н.И. Пирогов. Мудров любил говорить молодым врачам: «Держитесь сказанного Гиппократом. С Гиппократом вы будете и лучшие люди и лучшие врачи».

Весной 1809 года подал в отставку профессор Политковский — учитель Мудрова, руководитель кафедры патологии и терапии. 15 апреля 1809 года Мудров был утвержден в звании ординарного профессора кафедры патологии и терапии Московского университета, а через четыре года, в октябре, московского отделения Медико-хирургической академии (1813—1817). В декабре 1811 года Мудров награждается орденом Владимира IV степени, а весной 1812 года его избирают деканом Московского медицинского факультета.

Началась новая глава в жизни Мудрова — руководителя терапевтической клиники, на базе которой образовалась целая терапевтическая школа, давшая многих известных профессоров и практических врачей. С его именем связана реорганизация преподавания медицинских наук; были введены практические занятия для студентов и преподавание патологической и сравнительной анатомии, усилено оснащение кафедр учебно-вспомогательными пособиями и т.п. Он создал первую школу русских терапевтов, рассматривавших болезнь как страдание всего организма; подчеркивал, что основная задача врача — распознавание и определение причин заболевания, проведение комплексных лечебно-профилактических мероприятий. Он первым заявил о медицине профилактической. А его работы по дизентерии, холере, в борьбе с которой он погиб, — разве это не подвиг врача, о котором, к сожалению, забыли?

Вместе с большинством домов в 1812 году сгорел Московский университет. Невзирая на протест жены, Матвей Яковлевич дает деньги на строительство нового здания для своего храма науки и передает свою и своего тестя библиотеки взамен сгоревших книг. В январе 1817 года был назначен новый попечитель Московского университета — Андрей Петрович Оболенский. Для Мудрова это была большая радость, так как тот был не только хорошим знакомым Матвея Яковлевича, но и его пациентом. Мудров просил князя Оболенского, чтобы он добился у императора Александра I ассигнований на строительство Медицинского института. В это время Александра Ивановича Голицына назначили министром народного просвещения, с ним Мудрова связывали долгие годы знакомства.

В 1819 году закончено сооружение нового анатомического театра, которое курировал при строительстве Мудров. Одновременно было подписано императором Александром I предложение московского генерал-губернатора и министерства просвещения о выделении денег на строительство университетской учебной больницы. Мудрову не терпелось как можно скорее получить учебную больницу и медицинский институт — первый медицинский институт в России. Небольшой клинический институт существовал с 1805 года, но в нем было всего 12 коек, да и то больше используемых для амбулаторных больных. К сентябрю 1820 года были готовы и новое здание больницы, и новое здание университета. Ученый совет единодушно просил вышестоящие инстанции о назначении первым директором Медицинского института при университете М.Я. Мудрова. Не было в то время в Москве фигуры более значительной для занятия такого почетного и ответственного поста.

Матвей Яковлевич был семейным врачом Голицыных, Муравьевых, Чернышевых, Трубецких, Лопухиных, Оболенских, Тургеневых и др. именитых семей. Представляет огромный интерес, что с самых первых дней своей практики Мудров начал скрупулезно записывать в тетрадках

и собирать истории болезни. Кроме того, на каждой странице своей записной книжки он записывал имена больных, которых посещал. Тяжелобольных с трудным диагнозом он подчеркивал либо одной, либо двумя, либо тремя черточками, в зависимости от того, как часто должен был их посещать. По истечении года тетрадки переплетались и вместе с записной годовой книжкой, на которой золотом наносился год работы, помещались в специальный шкаф. За 22 года своей врачебной практики он накопил 40 томов, некоторые из них имели толщину энциклопедии. Это собрание историй болезни будет его величайшим богатством.

В них были подробные записи о диагнозе, особенностях течения болезни и тех средствах, которые применялись для лечения, а также об их эффективности. Мудрову это позволяло в любой момент найти историю болезни того или иного больного, к которому его пригласили, и воскресить в памяти способ лечения, который использовался в данном конкретном случае. Нередко много лет спустя после первого посещения того или иного больного к Мудрову обращались пациенты с просьбой отыскать в его книгах рецепт препарата, который им помог. Ни один врач Москвы, даже самый знаменитый, не располагал таким собранием практических наблюдений. Мудров дорожил и берег это бесценное сокровище. Богатейшие материалы Мудрова, к сожалению, были утеряны. Его ученик Петр Страхов, которому он поручил после своей смерти издать их, не выполнил просьбу учителя.

В 1826 году Мудров издает одну из своих лекций в разделе «Практическая медицина», в которой представляет новую классификацию болезней. Вторая часть его «Практической медицины» появляется спустя три года. В ней он излагает конкретные принципы диагностики, в частности план обследования больного. Он довольно детально обсуждает значимость и возможности новых методов диагностики — перкуссии Ауэнбруггера и аускультации Лаэннека. Мудров заговорил о языке как «о вывеске желудка» и описал ряд ценных для диагностики симптомов.

В лекции, прочитанной при открытии Московского медицинского института, называемой «Слово о способе учить и учиться медицине практической при постелях больных», Мудров первым высказал идею о болезни как процессе, поражающем весь организм. Научные изыскания Мудрова были началом разработки русскими врачами проблем этиологии и патогенеза заболеваний, подходов к их лечению, положили начало разработки диагностики внутренних болезней. Он впервые в русской медицине ставит вопрос о возможности возникновения болезни в связи с «нервными процессами». Мудров высказался в пользу индивидуализации лечения.

В университете складывалась тяжелая ситуация. Николай I, вступив в декабре 1825 года на престол, развернул наступление на все передо-

вое. С большим трудом Мудров протянул долгих три года. В 1828 году он почувствовал, что больше не может мириться с реакцией, и подал прошение об отставке с поста директора Медицинского института. В конце 1829 года эпидемия холеры, двигавшаяся из Персии, достигла Поволжья. Течение ее было крайне тяжелым, половина заболевших умирала. Вечером 4 сентября министр назначил Мудрова председателем центральной комиссии по борьбе с холерой, и ему необходимо было в 24 часа выехать в Саратов. В течение 1830—1831 годов он принимал активное участие в борьбе с холерой. Казалось, довольно испытывать судьбу. Весной 1831 года холера появилась в Петербурге. Первые случаи заболевания вызвали всеобщую панику. Пригласили Мудрова как специалиста, имеющего опыт борьбы с эпидемиями.

Удивительный человек и врач, Мудров умер от холеры 8 июля 1831 года в Петербурге. «Жизнью жертвую ради жизни других» — этот латинский афоризм о самопожертвовании Матвея Яковлевича Мудрова. Последний приют он нашел на холерном кладбище, которое было создано на Выборгской стороне, за церковью Святого Самсона. Поставили на могиле темный гранитный памятник, который со временем затерялся среди других могил, и забыли о человеке хрестоматийной скромности, великом русском терапевте.